Ренат Беккин

История татаро-мусульманской общины советского Петрограда–Ленинграда (1917–1991 гг.) по материалам государственных и частных фотоархивов

DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-4-118-147

Renat Bekkin

History of Tatar-Muslims Community in Soviet Petrograd-Leningrad (1917–1991) Basing on the Private and State Photo Archives

Renat I. Bekkin — Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); School of History and Contemporary Studies at Södertörn University (Sweden). bekkin@mail.ru

This article looks into the history of Muslim community of Petrograd-Leningrad during the Soviet time. The author pays special attention to its little-known and understudied aspects by referring to a wide range of sources from oral memoirs to diary extracts. Of particular importance are photographic materials from state and private photo archives. The picture helps to provide a broader view of the history of Muslim community, both from the standpoint of a photographer and through the eyes of believers themselves. Special focus is made on the life of the two imam-khatibs of the Leningrad Cathedral Mosque: Yakub Halekov and Hafiz Mahmutov. The author examines how official and unofficial leaders and institutions governing Tatar-Muslim community in Leningrad and a number of towns in the Leningrad region emerged and worked. Some photographs coming from private archives often serve as a starting point for a broader study of forms of Islam in the Soviet Union.

Keywords: Leningrad Cathedral mosque, *isem kushu*, unofficial mullahs, *janazah*, Tatar section of Novo-Volkovo cemetery, *imam-khatib*.

Беккин Р. История татаро-мусульманской общины советского Петрограда–Ленинграда (1917–1991 гг.) по материалам государственных и частных фотоархивов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. №4. С. 118–147.

Bekkin, Renat (2016) "History of Tatar-Muslims Community in Soviet Petrograd-Leningrad (1917–1991) basing on the Private and State Photo Archives", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 34(4): 118–147.

Введение

Тема ислама в Советском Союзе в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей. При этом объектом изучения становится не только политика государства по отношению к исламу и мусульманам[1], но и специфика функционирования исламских институтов, в том числе неофициальных, в отдельных регионах страны[2]. Изучение истории и форм бытования ислама в СССР важно, помимо прочего, еще и потому, что советская эпоха не так далеко отстоит от нас и многие мусульманские духовные лидеры, возглавляющие в наши дни приходы и религиозные организации в разных городах, сформировались и получили образование в советское время. Однако эта близость времен оказывается мнимой, когда сталкиваешься с тем, что большинство свидетелей эпохи, которые обладали непосредственным опытом участия в религиозной жизни в разных регионах Советского Союза (в том числе в Ленинграде) в 1920–1970-е гг., уже покинули этот мир.

До наших дней дошло не так много источников из среды самих мусульман, зафиксировавших отдельные моменты повседневной религиозной жизни в Ленинграде. Прежде всего, это немногочисленные письма. Дневники в те времена вели немногие ленинградские мусульмане, а те, что дошли до нас, можно сосчитать по пальцам. Значительный объем составляют материалы советских государственных органов, в задачи которых входил контроль за религиозной активностью граждан. Неслучайно эти материалы и по сей день служат предметом вдохновения как для отечественных, так и для иностранных исследователей, изучающих ислам в СССР[3]. Однако использование официальных источников может

1. Ro'i, Y. (2000) *Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev*. New York: Columbia University Press; Ислам и советское государство. Вып. 1./сост. Д.Ю. Арапов. М.: ИД Марджани, 2010; Ислам и советское государство. Вып. 2. (1917–1936)/ сост. Д.Ю. Арапов.. М.: ИД Марджани, 2010; Ислам и советское государство. Вып. 3. (1944–1990)/сост. Д.Ю. Арапов. М.: ИД Марджани, 2011; *Салахбекова З.А.* Власть и мусульманское духовенство Дагестана: история взаимоотношений (1920–1940 гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. Махачкала, 2003.

2. *Сенюткин С.Б.*, *Идрисов У.Ю.*, *Сенюткина О.Н.*, *Гусева Ю.Н.* История исламских общин Нижегородской области: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998; *Гусева Ю.Н.* Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение. М.: Медина, 2013; *Сафаров М.А.* Повседневная жизнь московских мусульман в 1960–1980-х годах//Неприкосновенный запас. 2012. № 4 (84). С. 139–148.

3. В качестве наиболее яркого примера следует привести упоминавшуюся выше книгу Якова Роя «Ислам в Советском Союзе» (Ro'i, Y. *Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev*), в которой автор фактически строил свои

привести исследователя к тем многочисленным ошибкам, которые допустил упоминаемый выше Яков Рой.

С учетом вышесказанного фотоматериалы (прежде всего из личных архивов), зафиксировавшие повседневную жизнь мусульман в Советском Союзе, являются одним из важнейших источников информации, а в ряде случаев — едва ли не основным, хотя и не единственным, потому что любая фотография из личного архива нуждается в компетентном рассказчике, без которого запечатленное на пленке будет лишь мертвым артефактом прошлого, осколком чужой судьбы. Однако в большинстве случаев владельцы фотоальбомов — дети и внуки мусульман Петрограда–Ленинграда — не смогли дать нам существенных пояснений к фотографиям: либо потому, что по разным причинам не хотели этого делать, либо потому, что не обладали необходимой информацией. Первое касается тех людей, чьи родственники стали жертвами сталинских репрессий; интерес к судьбе родственников вызывал у них опасения и даже страх.

К счастью, значительное число снимков содержат надписи на обороте. Однако данная категория пояснительных текстов не всегда обеспечивает исследователя информацией, достаточной для воссоздания истории, которую скрывает фотография.

Что касается государственных архивов (прежде всего Центрального государственного архива кинофотофонодокументов — ЦГАКФФД СПб), то там в основном содержатся официальные фотографии, запечатлевшие важнейшие события в истории мусульманской общины Петрограда–Ленинграда, — в первую очередь, визиты зарубежных делегаций. Часть этих материалов дублируется снимками из семейных архивов, принадлежащих потомкам *имамов-хатибов* Ленинградской Соборной мечети М.-Дж. Бигеева, Г.Н. Исаева и Х.В. Махмутова. Именно потомки духовных руководителей мусульман Ленинграда оказались обладателями самых крупных частных фотоархивов, проливающих свет на историю мусульманской общины города.

Особо следует отметить коллекции Государственного музея истории религии в Петербурге. Среди протокольных снимков здесь имеются фотографии, на которых зафиксирована повседневная религиозная жизнь мусульманской общины. Так, например, большой интерес, представляют изображения пятничной

представления о формах бытования ислама в СССР на основании документов различных ведомств. Подробнее о недостатках книги Роя см.: DeWeese, D. (2002) "Islam and the Legacy of Sovietology: A Review Essay on Yaacov Ro'i's Islam in the Soviet Union", *Journal of Islamic Studies* 13(3): 298–330.

и праздничных молитв на Татарском участке Ново-Волковского кладбища, датируемые 1954 г. На этих фотографиях, сделанных сотрудником музея Д.И. Исхаковым, запечатлен примечательный период в жизни татаро-мусульманской общины города, когда кладбище служило местом проведения коллективных намазов. Через два года мусульманам Ленинграда была возвращена Соборная мечеть, закрытая в 1940 г. С 1940-го по 1956 г. (за исключением блокадного времени) пятничные и праздничные молитвы проводились на Татарском участке Ново-Волковского кладбища[4].

Таким образом, фотоматериалы из государственных и частных архивов органично дополняют друг друга, позволяя взглянуть на историю мусульманской общины не только глазами фотографа-хроникера, но и самих верующих. В последнем случае мы можем выяснить, какие события считались столь значимыми для самих мусульман, чтобы быть запечатленными фотокамерой. При этом, конечно, нужно принимать во внимание и тот факт, что далеко не все примечательные события фиксировались на фотопленку. Причины могли быть разными — например, опасение подвергнуться репрессиям за соблюдение тех или иных обрядов.

Как было отмечено выше, главной проблемой собранных нами фотоматериалов является отсутствие пояснительной информации к ним. Не все снимки имеют подписи, позволяющие установить дату съемки и изображенных людей. Это касается и фотографий из государственных архивов. При изучении коллекций ЦГАКФФД СПб мы столкнулись с тем, что некоторые снимки атрибутированы неверно; в частности, были искажены или неправильно указаны имена и фамилии изображенных на них людей.

Не всегда существует возможность правильно установить лиц, представленных на фото, однако, даже если эта задача невыполнима, фотография не утрачивает своей ценности как дополнительный источник информации: она может дополнять имеющуюся в распоряжении исследователя информацию, подтверждать или опровергать ее. Так, например, в книге петербургского краеведа Д.А. Аминова содержится информация о том, что в конце 1940-х — начале 1950-х гг. пятничные намазы на Татарском участке Ново-Волковского кладбища проводил неофициальный мулла Гатчины Мутугулла Хамитов[5]. Долгое время это утверждение не было подкреплено ничем, кроме устного свидетельства покой-

4. Подробнее о Татарском участке Ново-Волковского кладбища см. ниже.

5. *Аминов Д.А.* Татары в Санкт-Петербурге: Ист. очерк. СПб.: Альд, 1994.

ного ученого. Только фотографии из государственного и частного архивов, на которых изображен Хамитов, позволили документально подтвердить информацию Аминова.

Иногда само отсутствие фотографии может дать повод для размышления и послужить стимулом для поиска дополнительных сведений. Например, из имеющихся официальных письменных источников известно о многочисленных встречах двух *имамов-хатибов* Ленинградской Соборной мечети — Г.Н. Исаева и Х.В. Махмутова. Однако нам не удалось найти фотографий, на которых оба религиозных деятеля были бы изображены вместе, хотя сохранилось немало фотографий Исаева и Махмутова с одними и теми же лицами, но по отдельности. Это дало нам основания для предположения о конфликте между двумя имамами. Впоследствии эта догадка подтвердилась при изучении дневников и писем имама Махмутова.

Как видно из приведенных нами примеров, фотография может выступать верным помощником исследователя рассматриваемой проблемы лишь в том случае, если он в достаточной степени владеет не только общей информацией об истории мусульманской общины Петербурга, но и ее деталями.

В настоящей статье мы неслучайно уделяем существенное внимание судьбам имамов — руководителей татаро-мусульманской общины города. Это обусловлено, по меньшей мере, двумя причинами: наличием значительного количества разного рода источников, в том числе визуальных, а также тем значением, которое имела фигура *имама-хатиба* Соборной мечети для мусульман Петрограда–Ленинграда.

Говоря о советском периоде, мы употребляем словосочетания «мусульманская община» и «татаро-мусульманская» община в качестве синонимов, так как вплоть до конца XX века представители разных субэтнических групп татарского этноса составляли большую часть мусульманского населения города.

Мусульманская община в Петербурге в XVIII — начале XX в.

Основную часть мусульманского населения Петербурга на протяжении всей его истории составляли татары. Известно, что на работах по возведению Петропавловской крепости использовались татары и башкиры, служившие под началом И.Е. Бахметева и др. Вскоре на берега Невы стали присылать крестьян и посадских людей из российских губерний, в том числе Казанской. По указу Петра I к строительству привлекались не только крестьяне (по од-

ному человеку с четырех дворов), но и некрещеные служилые мурзы. К середине XVIII в. татаро-мусульманские общины возникают в Кронштадте и Любани — деревне, находившейся на почтовом тракте, соединявшем Петербург и Москву.

В XVIII столетии большинство мусульман Петербурга были военнослужащими. Небольшую группу составляли купцы. Функции имамов выполняли рядовые, наиболее осведомленные в вопросах мусульманского обряда. Вот что писал о богослужениях мусульман столицы в конце XVIII в. немецкий ученый и путешественник И.Г. Георги: «Магометане, Татары из разных областей, чужестранные купцы, поверенные и т.д. не имеют ни мечети, ни какого-либо прихода; но между купцами находятся у них духовные (Муласы), которые в жилищах своих с единоверцами своими по пятницам и по праздникам производят торжественную свою службу на Арабском и Татарском языках»[6].

В 1822 г. в Петербурге был учрежден первый гражданский магометанский приход. Однако лишь во второй половине XIX в. число гражданских лиц стало превышать число мусульман-военнослужащих. Большая часть татарского населения Петербурга в конце XIX — начале XX в. была занята в сфере мелкой торговли и услуг. В мемуарной литературе сохранились воспоминания о татарах-старьевщиках, которых в городском фольклоре именовали «князьями». «Князья», торговавшие «красным товаром», появлялись во дворах Петербурга с криками: «Халат, халат!»[7]. Встречались среди татар и дворники, но в имперский период среди представителей этой профессии их было не так много — преобладали выходцы из Тверской губернии.

По данным на 1910 г., в Петербурге проживало 7,3 тыс. татар, что составляло около 0,4 % городского населения[8]. Другие народы, традиционно исповедующие ислам, были представлены лишь несколькими десятками человек. Среди татаро-мусульманского населения города господствовали три субэтнические группы: ка-

6. *Георги И.Г.* Описание российско-императорскаго столичнаго города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. [Ч. 1]. СПб: Тип. Императорского Шляхетного сухопутного корпуса, 1794. С. 282.

7. См., например: *Григорьев М.А.* Петербург 1910-х гг. Прогулки в прошлое. СПб: Российский институт истории искусств, 2005. С. 251; [*Ключева М.И.*] Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910//Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. III/сост. А.И. Добкин, А.В. Кобак. М., СПб: Atheneum-Феникс, 1997. С.206; *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Paris: YMCA-Press, 1988. С.13.

8. *Чистяков А.Ю.* Татары//Санкт-Петербург: энциклопедический словарь. СПб., [2007–] [www.encspb.ru/object/2803920605?dv=2853931022&lc=ru, доступ от 5.04.2016].

симовские татары, мишаре и казанские. В городе также проживала небольшая, но заметная группа польско-литовских татар. Что касается Петроградской губернии, то здесь в ряде населенных пунктов, располагавшихся к югу от столицы, касимовские татары составляли большинство. Мишаре, в свою очередь, преобладали среди мусульман, освоивших территорию Карельского перешейка к северу от реки Сестры, относившуюся к Выборгской губернии Великого княжества Финляндского.

К концу XIX — началу XX в. в Петербурге возникла небольшая прослойка мусульманской интеллигенции, состоявшей из представителей татар (казанских, нижегородских, касимовских, польско-литовских, крымских), кавказских и среднеазиатских народов. Это были в подлинном смысле духовные лидеры нации, формированию которых в качестве таковых в немалой степени способствовала либерализация политической жизни в России после первой русской революции 1905–1907 гг.

Две другие русские революции — Февральскую и Октябрьскую — мусульманская община Петрограда застала в период своего наивысшего расцвета — несмотря на реакцию 1907–1910 гг., во время которой прекратили существование некоторые столичные мусульманские издания, был закрыт один из магометанских приходов, вокруг которого группировалась либеральная интеллигенция, и т.п.

Мусульмане Петрограда в годы революции и Гражданской войны

После Октябрьской революции, как и после Февральской, мусульмане были полны надежд[9]. Однако разочарование в большевиках наступило почти так же быстро, как и в буржуазно-демократическом правительстве. На нескольких фотографиях, хранящихся в ЦГАКФФД СПб, зафиксированы эпизоды общественно-политической жизни революционного Петрограда. Автором некоторых из них является известный петроградский-ленинградский фотограф Яков Владимирович Штейнберг (1880–1942). Так, на одном из снимков Штейнберга изображены служащие Исполкома Всероссийского мусульманского совета (Икомус)[10]. Сам совет

9. Подробнее об этом см.: *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М.: Институт российской истории РАН, 2004.

10. В подписи к фотографии на сайте Центрального государственного архива кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД СПб) ошибочно указана дата съемки: 1923–

был учрежден в мае 1917 г. в Москве, а его исполнительный орган — Икомус — работал в Петрограде. В мае 1918 г. Всероссийский мусульманский совет и Икомус были упразднены. Другая фотография, хранящаяся в фондах ЦГАКФФД СПб, сделана в приемной Икомуса зимой или ранней весной 1918 г. Данный снимок позволяет составить определенное представление о мусульманском населении Петрограда в начале XX в. Тогда в городе еще оставалось много старожилов, мало чем отличавшихся своим внешним обликом от других горожан. Вскоре структура мусульманского населения города значительно изменилась. Спасаясь от бедствий гражданской войны, в Петроград прибыли татары (большей частью крестьяне) из Поволжья и других регионов России.

Все изображенные посетители в приемной Икомуса — мужчины. Большая часть их одета в европейскую одежду по моде того времени. Все мужчины носят усы и лишь двое также имеют бороду. Один из них — очевидно так называемый халатник, торговец старым товаром в разнос.

На нескольких фотографиях, относящихся к эпохе революции и гражданской войны, представлены командный состав и бойцы 3-го Башкирского кавалерийского полка, входившего в Башкирскую группу войск РККА. В сентябре 1919 г. дивизия была переброшена в Петроград для обороны города от войск Юденича. В дальнейшем она участвовала в захвате Павловска, Гатчины и Ямбурга. Инициатор призвания башкир в Петроград Л.Д. Троцкий писал об этом впоследствии:

> Башкирская кавалерийская дивизия была лишь недавно сформирована. Я с самого начала имел в виду перевести ее на несколько месяцев в Петроград, чтобы дать возможность степнякам прожить некоторое время в культурной обстановке города, сблизиться с рабочими, посетить клубы, митинги и театры. Теперь к этому присоединилось новое, более неотложное соображение: напугать финляндскую буржуазию призраком башкирского нашествия[11].

Башкиры вполне оправдали ожидания председателя Реввоенсовета. Проезжавшие на конях по улицам Петрограда степняки напоминали жителям города скифов из одноименного стихотворе-

1924 г. Однако, как видно из информации, приведенной выше, данный снимок был сделан не позже мая 1918 г.

11. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. С. 406.

ния Александра Блока, написанного в январе 1918 г. Появление раскосых богатырей символизировало в глазах обывателей падение и гибель старого мира.

Могильщиками прежней жизни увидел представителей другого тюркского народа — татар — писатель Исаак Бабель. В своем очерке «О лошадях», подготовленном в 1918 г. для горьковской «Новой жизни», он писал о татарах-конебойцах Петрограда:

> Десятки татар заняты убоем лошадей. Это чисто татарское дело. Наши бойцы, сидящие без работы, до сих пор не решились приступить к нему. Не могут, душа не пускает... Настало обеденное время. Трактир был наполнен татарами — бойцами и торговцами. От них пахло кровью, силой, довольством... За столиками рослые татары трещали на своем языке и требовали себе к чаю варенья на 2 рубля. Возле меня примостился мужичонка. Мигая глазами, он сообщил, что в нынешнее время каждый татарин тысяч по пяти, а может, и по десяти в месяц зашибает, «всех лошадей скупили, дочиста всех»... Потом я узнал, что и русские за ум взялись. Тоже промышляют. «Что поделаешь? Раньше конину татары ели, а нынче весь народ и даже господа...» Солнце светит. У меня странная мысль: всем худо, все мы оскудели. Только татарам хорошо...[12]

Слова Бабеля о татарах были явным преувеличением. В холодном и голодном Петрограде, где лошадиная падаль считалась пределом мечтаний, никому не могло быть хорошо, разве что тем, кому теперь принадлежала власть.

После революции состав мусульманского населения Петрограда сильно изменился. Многие мусульмане, проживавшие в городе, либо эмигрировали (в основном в Финляндию или через Финляндию), либо погибли в годы Гражданской войны. В начале 1920-х численность татаро-мусульманской общины Петрограда увеличилась в четыре раза по сравнению с довоенным уровнем за счет 28 тысяч крестьян, спасавшихся от голода в Поволжье[13].

Несмотря на этническую близость с татарами, жившими в городе до революции, прибывавшие в город в 1920–1930-е гг. были людьми с иным культурным фоном. Приведем цитату, характеризующую одного из новых жителей Ленинграда — татарина Хисамова:

12. *Бабель И.Э.* О лошадях//Бабель И.Э. Петроградская проза. Сборник. СПб: Юпитер, 1993. С. 45–47.

13. *Тагирджанова А.М.* Татарские детские дома в Петрограде–Ленинграде 1920-х годов//История Петербурга. 2008. № 6(46). С. 53.

> Я, Хисамов Нигмат Абдулович, был пастухом, ходил в рваной чужой рубахе и в лаптях. Было это в царской России. Но вот пролетариат сбросил иго капитализма; нам нацменам татарам-башкирам открылась широкая светлая дорога. Пошел учиться на 3-х годичную строительную школу. Учился упорно не спя по ночам. С 1930 г. по 1932 г. работал в колхозе и видел, что в результате коллективизации положение крестьянства улучшилось во много раз. Меня тянуло учиться. Уехал в Ленинград и поступил на курсы планеристов-летчиков. Я буду летчиком, буду защищать советские границы от врагов. Я теперь не пастух в рваной рубахе и лаптях, я летаю по воздуху, я советский летчик[14].

Остававшиеся в городе представители дореволюционной татарско-мусульманской общины либо тихо доживали свои дни, либо выполняли общественные обязанности, возложенные ими на себя до революции, как, например, купец и меценат Мухаммед-Алим Максутов. Немногие из них продолжали пользоваться прежним влиянием в качественно изменившейся мусульманской общине Петрограда.

Мусульманская община в 1920-е гг.

В 1917 г. *имамом-хатибом*[15] Петроградской Соборной мечети стал известный мусульманский богослов Муса Джарулла Бигеев (1879–1949). Но в начале 1920-х он, занятый общественно-политическими делами, не имел возможности выполнять функции духовного главы мусульман Петрограда. В 1920 г. Бигеев приглашает в качестве *имама-хатиба* Якуба Камаловича Халекова[16] (1887 — после 1951). Ранее, в 1910–1917 гг., тот служил имамом в Вологде. В 1918 г. Халеков прибыл в Петроград и нанялся рабочим в «Восточный продовольственный магазин», затем поступил десятником в ассенизаторский обоз. На должность *имама-хатиба* Халекова рекомендовал Ибрагим Батырбаевич

14. ЦГАЛИ Спб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 30. Л. 25//цит. по: *Смирнова Т.М.* Не винтики, но электроны!//История Петербурга. 2012. № 3 (67). С. 59.
15. Имам-хатиб (араб. — оратор, проповедник) — здесь имам, выступающий в мечети (или молельне) во время пятничного намаза с проповедью. Ежедневные пятикратные молитвы в мечети в другие дни, как правило, ведут обычные имамы.
16. В некоторых документах встречается следующее написание фамилии имама: Халиков. Однако поскольку сам Якуб Кемалевич подписывался в основном как Халеков, в настоящей статье мы будем использовать этот вариант.

Батырбаев, выполнявший функции казначея Мусульманского благотворительного общества и Комитета по постройке Соборной мечети в Санкт-Петербурге. Халеков к моменту назначения на должность имама был безработным и приходился Батырбаеву зятем. Вместе с Халековым имамом работал Камалетдин Басырович Басыров (1876 — после 1931), проживавший в Детском Селе (с 1937 г. — Пушкине). С 1920 по 1928 г. Басыров возглавлял мусульманский приход, размещавшийся по адресу Большая Московская ул., д. 1/3, несмотря на открытие Соборной мечети для верующих в 1913 г. Приход на Большой Московской функционировал до своего закрытия в 1928 г.

При мечети был организован приходской совет — «двадцатка», которая несла ответственность за административно-хозяйственные вопросы, не входившие в компетенцию имамов.

К началу XX в., помимо Петербурга, в целом ряде городов Петербургской и Выборгской губерний (Кронштадте, Выборге, Луге и др.) действовали мусульманские мечети или молельни. Они, как правило, занимали одно или несколько помещений в доме состоятельного представителя общины, который нередко был ее неформальным лидером. Так было, например, в Луге, где мусульманская молельня до 1919 г. находилась в доме Валея (Вали) Хабибуловича Сапарова (ок. 1889–1919). В 1919 г. молельня подверглась нападению анархистов, а сам Валей Сапаров погиб, обороняя дом от грабителей[17].

В архиве правнука Сапарова сохранились две фотографии, на которых изображен Валей Хабибуллович с женой и детьми. По свидетельству внука, его дед, известный ленинградский журналист Ариф Сапаров, ничего не рассказывал родным о своем отце. Коммунист по убеждениям, Ариф Сапаров предпочитал не распространяться о том, кем был Валей Сапаров, но фотографии, на которых тот запечатлен, к счастью, не уничтожил.

В другом городе под Ленинградом — Кронштадте мечеть на Петербургской улице работала до 1927 г. В 1926 г. из Кронштадта выслали имама Мухамеда-Фатиха Загафарова (1884 — ?) и трех членов приходского совета («двадцатки») мечети. 27 ноября 1927 г. мечеть выселили из занимаемого ей с 1870 г. дома, а доходы от проданного имущества были направлены в казну. Само двухэтажное здание мечети было утрачено в середине XX в.

17. В настоящее время в бывшем доме Сапарова (ул. Урицкого, д. 54) располагается дом детского творчества.

К сожалению, вероятность отыскать какие-либо фотоматериалы, касающиеся религиозной жизни мусульман в городе-крепости до и после революции, крайне малы.

Большая часть фотоматериалов, относящихся к 1920-м гг., поступила к нам из семейных архивов наследников имамов Бигеева и Халекова, а также татарского журналиста Карима Мухаметшича Сагидова (1888–1939). Несколько фотографий этих лет представляют собой групповые снимки у Соборной мечети. Традиция делать групповые фотографии у мечети возникла едва ли не с момента закладки первого камня в ее основание в 1910 г. После открытия мечети в 1913 г. появляется немало снимков, на которых запечатлены прибывавшие в Петроград мусульмане. Наиболее известными являются фотографии «Дикой дивизии», прибывшей в конце августа 1917 г. в Петроград по приглашению мусульман столицы после предотвращения «корниловского выступления». До нашего времени дошли групповые фото у входа в мечеть, относящиеся к 1920-м, а также к 1960–1980-м гг.

Фото 1. Семья Урусовых. Слева направо: Утешева (дев. фам. Урусова) Махера Зяйнулловна; Урусов Ариф Изятуллович; Урусова Асьма Усмановна; Урусова Фаизя Зяйнулловна (1930 г.). Автор фото: неизвестен (из семейного архива Р.И. Беккина).

Практически отсутствуют фотографии, относящиеся к относящиеся к 1930-м гг. (Фото 1). В годы массовых репрессий и гонений на религию мало кто осмеливался фиксировать на пленку религиозные практики в городе, названном именем Ленина. Более того, фотографии, сделанные в прежние годы и содержавшие арабографичные надписи на обороте, нередко уничтожались самими обладателями фотоархивов. Так, нам не удалось отыскать ни одной фотографии *имамов-хатибов* Якуба Халекова и Кемаля Басырова, арестованных в ночь с 15 на 16 февраля 1931 г. В эту ночь мусульманская община Ленинграда подверглась настоящему разгрому. Кроме Халекова и Басырова, было арестовано еще 25 человек, в том числе жена и дети М. Бигеева, члены «двадцатки» при Соборной мечети. Эти аресты были связаны с бегством в 1930 г. за границу Мусы Бигеева[18].

Главными фигурантами дела были имамы Халеков и Басыров. В материалах дела говорилось следующее: «Эти муллы, группируя вокруг себя единомышленников националистической к-р. идеологии из активных прихожан мечети (членов 20-тки и торгашеский элемент, имеющий связи с татарской эмиграцией в Финляндии), маскируясь отправлением религиозных обрядов, занимались антисоветской агитацией»[19]. В этом же документе приводятся оценочные сведения о численности татаро-мусульманской общины Ленинграда в начале 1930-х: «В результате к-р. группировка при мечети завоевала себе такой авторитет, что на молебствование по праздникам в мечеть стекалось по 5–6 тысяч человек татарской колонии, что составляет 20–25 % общего числа последней»[20]. Остается только выразить сожаление, что до нас не дошло ни одного снимка, запечатлевшего прихожан мечети в конце 1920-х — начале 1930-х гг. К указанному периоду относится лишь несколько групповых постановочных фото перед центральным входом в мечеть (Фото 2). Как правило, такие фото делались по случаю приезда важных гостей.

18. Фото самого Бигеева вместе с членами семьи уцелели в семейном архиве Бигеевых.

19. Обвинительное заключение по след. делу № 111999 по обвинению националистической контр-революционной группировки, возглавляемой муллами Халиковым Якубом (в оригинале опечатка: Якубой. — *Р.Б.*) и Басыровым Кемалем, в пр.пр.ст. 58-4 УК. Л. 368–369 (Архив Центра «Возвращенные имена» при РНБ).

20. Там же. Л. 369.

Фото 2. Групповое фото у входа в Соборную мечеть (1926 г.). Автор съемки неизвестен (из семейного архива Э.В. Тисенко)

В вину арестованным ставились, помимо прочего, связи с татаро-мусульманской общиной Финляндии. Действительно, до начала 1930-х гг. советско-финская граница была фактически прозрачной, поэтому связь ленинградских татар с татарами, жившими в Финляндии, не прерывалась[21]. Предприниматели, поселившиеся в Финляндии еще до революции, помогали своим землякам-мишарям, жившим в Ленинграде. Так, одним из активных спонсоров Бигеева был проживавший с 1920 г. в Тампере Зинетулла Ахсан Бёре. Его тесть Кемалетдин Бедрятдинов, живший в Детском Селе и до революции специализировавшийся на мясной торговле, был среди арестованных в ночь с 15 на 16 февраля 1931 г.

Из 27 арестованных по «делу Бигеева» Постановлением Коллегии ОГПУ от 23 июля 1931 г. 23 человека были приговорены к разным срокам заключения. Жена Бигеева Асьма ханум и дети Ахмед, Мариам и Хинд были высланы из Ленинграда сроком на три года[22].

Разгром руководства ленинградской мусульманской общины создал предпосылки для сворачивания религиозной активности в городе, однако мечеть продолжала функционировать до 1940 г.

21. Известны случаи, когда в середине 1930-х гг. татарам удавалось переправлять своих родственников в Финляндию. Так, например, в 1935 г. бывший лидер мусульман Териок в 1911–1916 гг. Зинетулла Ахсан Бёре смог перевести из СССР через советско-финскую границу свою мать Мерхаб Ибрагимову (1855–1941).

22. Обвинительное заключение по след. делу № 111999... Л. 392–393.

Татарское кладбище в Волковой деревне как центр религиозной активности мусульман Ленинграда в 1940–1950-е гг.

Недоступными для нас оказались и фотографии, относящиеся к периоду блокады Ленинграда. Некоторые мусульмане были эвакуированы. В эти годы ушли из жизни последние представители дореволюционной мусульманской интеллигенции. Одним из последних был погибший в первую блокадную зиму 1941–1942 гг. Исмаил Номанович Леманов (1871–1942), бывший редактор газеты «Миллят», издававшейся в 1913–1915 гг. в Петербурге мусульманской группой депутатов Государственной думы IV созыва.

Татарское кладбище в Волковой деревне находилось тогда на городской окраине, и для людей, проживавших в других районах, было настоящим подвигом доставить тело умершего к месту последнего упокоения. Но сделать этому самому было надежнее и достойнее для памяти покойного, чем доверять дело похоронной команде. Мало кому удавалось соблюсти мусульманский обряд и предать тело земле в день смерти до захода солнца. Всех умерших хоронили в братской могиле. Чтобы похоронить человека в отдельной могиле, родственники умершего отдавали золото и другие драгоценности или обменивали золото на хлеб и расплачивались хлебом с теми, кто предавал тело земле. Так, моя бабушка похоронила свою мать на Татарском участке Ново-Волковского кладбища, оплатив работу частных могильщиков буханкой хлеба и золотыми украшениями. На могиле устанавливалась небольшая палка или доска, к которой проволокой была прикреплена дощечка или картонка с фамилией, именем и отчеством и датами жизни. Уже к концу войны многие могилы блокадного времени оказались утраченными. Немало индивидуальных могил было вырыто с нарушением санитарных норм, на глубине меньше требуемых 80 см от поверхности земли. Поэтому впоследствии на городских кладбищах, включая Ново-Волковское, производились перезахоронения, и установить место упокоения близкого человека для многих выживших блокадников уже не представлялось возможным[23].

После окончания войны в Ленинград прибыли новые жители, состав татаро-мусульманской общины города вновь обновился, как это уже было после Октябрьской революции, то есть при

23. *Яров С.В.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 186.

жизни одного поколения. Некоторым прежним жителям, вернувшимся из эвакуации или с фронта, пришлось поменять свое место жительства, так как их квартиры были заняты другими жильцами. Так, например, случилось и с моей бабушкой, которая до войны и в первые годы блокады до эвакуации жила в коммунальной квартире на улице Марата в районе Пяти углов — месте компактного проживания татар-мишарей в начале XX в.

Несмотря на некоторые послабления, сделанные Сталиным в отношении религии в годы войны, они практически не затронули ислам. Возобновившиеся после войны ходатайства об открытии для верующих Ленинградской Соборной мечети так и не были удовлетворены. Мусульмане были вынуждены собираться для проведения пятничных и праздничных намазов на Татарском участке Ново-Волковского кладбища.

Татарский участок Ново-Волковского кладбища — одно из старейших сохранившихся мусульманских кладбищ в Европе. Оно было основано в 1826 г. в ответ на ходатайство военного *ахуна*[24] Отдельного гвардейского корпуса Д. Хантемирова: под мусульманское кладбище был выделен участок в две десятины земли на берегу реки Волковки в районе Волковой деревни — в трех верстах от города. Очевидно, главной причиной выбора этого места было то, что при Екатерине II здесь компактно хоронили турецких военнопленных, проживавших неподалеку от Волковой деревни.

После Октябрьской революции Татарское кладбище продолжало служить местом упокоения татар и представителей других народов, исповедующих ислам. Со временем здесь все чаще стали появляться могилы людей, которых можно назвать мусульманами лишь в силу этнической принадлежности. Но определенные правила погребения по мусульманскому обряду соблюдались и здесь: так, мертвых, как правило, хоронили в саване, без гроба. Это подтверждают имеющиеся в нашем распоряжении фотографии из государственных и частных архивов, относящиеся к 1950–1980-м гг.

После закрытия для верующих мечети в 1940 г. значение Ново-Волковского кладбища в жизни мусульман возросло. Кладбище стало местом проведения пятничных намазов, собиравших по несколько сотен человек. Иными словами, мусульмане вернулись к ситуации столетней давности — когда еще не была по-

24. Ахун — духовное звание мусульманского богослова. В ряде регионов Российской империи *ахун* являлся главой мусульманского духовенства.

строена Соборная мечеть. Сюда приезжали верующие со всего Ленинграда и из ближайших пригородов.

После войны кладбище продолжало служить местом проведения пятничных намазов. Во время праздников Курбан-байрам и Уразабайрам на кладбище собиралось 7–8 тыс. человек[25]. В нашем распоряжении имеются несколько фотографий, сделанных ленинградским фотографом, сотрудником Государственного музея истории религии и атеизма АН СССР Д.И. Исхаковым в 1954 г. на Татарском кладбище (Фото 3). На фотографиях мы видим группы верующих во время праздничного и пятничного намазов, по большей части пожилые мужчины и женщины. На одном из снимков, относящихся к 1954 г., запечатлен *джаназа*-намаз (погребальная молитва). Примечательно, что на этом снимке немало женщин (около одной трети от общего числа), которые располагаются на заднем плане — за мужчинами.

Фото 3. Г.Н. Исаев с прихожанами на праздничном намазе на Татарском участке Ново-Волковского кладбища, 1956 г. Автор съемки неизвестен (из семейного архива М.Х. Махмутовой).

В 1964 г. Татарский участок Ново-Волковского кладбища был частично законсервирован. Однако каждый год на кладбище появлялись новые захоронения — нередко на месте бесхозных старых.

25. *Тагирджанова А.Н.* В костеле мог бы звучать азан...//История Петербурга. 2008. № 2 (42). С. 53–60.

Другим старым мусульманским кладбищам на территории, административно относящейся в наши дни к Санкт-Петербургу или Ленинградской области, не так «повезло». К 1917 г. мусульманские кладбища (участки) существовали в следующих населенных пунктах, входящих ныне в состав Санкт-Петербурга или Ленинградской области: Любани (с сер. XVIII в.), Царском Селе (с 1820–х гг.), Кронштадте (с сер. XIX в.), Гатчине (с 1851 г.), Луге (с нач. XX в.), Петергофе (с нач. XX в.), Тосно (с 1905 г.), Новой Ладоге (с 1906 г.), Выборге (с 1911 г.), Териоках (с 1916 г.)[26]. К середине прошлого столетия большая часть этих кладбищ была безвозвратно утрачена. Так, например, по свидетельству лужского старожила Борислава Брониславовича Таканаева, мусульманское кладбище в Луге было практически полностью разрушено во время войны, так как здесь стояли немцы и велись активные боевые действия[27]. Однако находящееся рядом еврейское кладбище уцелело. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что надмогильные памятники татар были из недолговечного материала. Иногда ими служили лишь небольшие деревянные знаки над холмиками. Некоторые из холмиков уцелели до наших дней, но местные старожилы не смогли помочь мне с идентификацией этих захоронений. Памятники на могилах начала XX в. принадлежат представителям семьи Таканаевых, но они не дореволюционные, а новые, относящиеся к 1960-м гг. и установленные самим Б.Б. Таканаевым[28].

Некоторые мусульманские некрополи исчезли еще до войны. Так, магометанское кладбище в Царском Селе, возникшее примерно в то же время, что и Татарское в Петербурге, было утрачено по вине самих мусульман. По свидетельству чиновников Дворцового управления, в ведении которого находилось азанское кладбище, магометанский участок уже в 1909 г. был в плачевном состоянии[29].

Мусульмане Ленинграда во второй половине XX в.

Первое послевоенное десятилетие было временем консолидации мусульманской общины Ленинграда. Борьба за возвращение мечети объединила мусульман города, среди которых, как уже от-

26. Подробнее об этом см.: *Беккин Р.И.* Забытые мусульманские кладбища в окрестностях Петербурга//История Петербурга. 2014. № 1. С. 81–85.

27. ПМА (полевые материалы автора). Интервью с Б.Б. Таканаевым, 10.08.2015.

28. Сохранились фотографии этих памятников, сделанные самим Таканаевым.

29. О ходатайстве проживающих в Царском Селе магометан о прирезке земли для расширения магометанского кладбища // РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 686. Л. 8об.

мечалось, были как старожилы, так и люди, прибывшие в Ленинград после войны.

Выше мы упоминали о фотографиях, на которых запечатлен пятничный и праздничный намаз на Татарском участке Ново-Волковского кладбища в 1954 г. На нескольких фото представлены мужчины и женщины среднего и пожилого возраста. И мужчины, и женщины одеты однотипно: мужчины в темных пальто, женщины в длинных юбках и кофтах. Среди мужских головных уборов встречаются шляпы, тюбетейки, папахи, кепки.

Важнейшим для истории мусульманской общины Ленинграда и Ленинградской области стал 1956 г. В этом году вновь была открыта для богослужений Соборная мечеть. Существует легенда, что это произошло после того, как премьер-министр Индии Джавахарлар Неру, посетивший Ленинград в июне 1955 г., захотел побывать в мечети, а она оказалась закрыта[30].

Даже если это только красивая история и Неру здесь ни при чем, именно благодаря высоким гостям из стран Востока мечеть снова была открыта для верующих. В программу прибывавших в Ленинград с визитом делегаций из мусульманских стран, как правило, всегда входил пункт «Посещение Ленинградской Соборной мечети». На дошедших до нас в большом количестве снимках запечатлено посещение мечети президентом Индонезии А. Сукарно (в августе 1956 г. и в июне 1961 г.), президентом Г.А. Насером (в мае 1958 г.), делегациями из Индии, Ливана, Пакистана и других стран.

Неслучайно официальные снимки составляют значительную часть фотографий, относящихся к 1950–1970-м гг. На них изображены *имамы-хатибы* мечети Габдулбари Низамутдинович Исаев (1907–1983) и Хафиз Валиевич Махмутов (1937–2006), члены «двадцатки» при мечети вместе с иностранными гостями.

Очевидно, что официальные фотографии, на которых мусульманская община представлена в выгодном для советского руководства города и страны свете, не могут в полной мере служить иллюстрацией религиозной жизни мусульман Ленинграда в послевоенное время. Однако в качестве дополнения к дневникам и отчетам имамов Ленинградской Соборной мечети они являются важным источником для понимания того, что происходило в руководстве общиной.

В большей степени нас интересовали снимки, на которых запечатлены мусульманские обряды: имянаречение (*исем кушу*),

30. Как Смольный Джавахарлала Неру перехитрил//Вечерний Петербург. 2010. №185 (25454). 15 марта. С. 9.

бракосочетание (*никах*), погребальный цикл и др., проводимые по инициативе ленинградцев-мусульман. Среди представленных на имеющихся в нашем распоряжении снимках обрядов преобладает погребальный. Реже встречаются фотографии, на которых зафиксированы обряды имянаречения и бракосочетания. Это объясняется тем, что данные обряды касались в основном молодежи, которая в своей массе была уже далека от исламских традиций[31].

Несмотря на то, что согласно мусульманской традиции не принято фотографировать похороны, до нас из семейных архивов дошли фотографии, на которых отражены сюжеты, связанные со смертью и погребальным обрядом. Можно выделить несколько сюжетов: (1) *джаназа*-намаз — как во дворе мечети в Ленинграде, так и непосредственно на самом кладбище (гг. Ленинград, Луга); (2) фото людей у постели умершего (г. Ленинград); (3) фотографии людей у могилы (г. Луга) или фото надмогильных памятников (гг. Луга, Гатчина). Если первая группа фотографий имеет репортерский характер и сделана, как правило, профессиональными фотографами, то во второй и третьей группах снимки большей частью любительские и являются уникальным документальным свидетельством, отражающим особенности исламского похоронно-поминального цикла.

Как отмечает исследователь истории татарской общины г. Москвы М. Сафаров, в семейных архивах московских татар можно нередко обнаружить изображения умершего человека в гробу[32]. Нам не приходилось встречать подобных фотографий в Петербурге и Ленинградской области — за исключением одного снимка, где группа людей стоит над телом умершей женщины, завернутым в саван. На обороте имеется надпись на татарском: «Бар вафатын да белмәдек кадәр генә, Инде кочаклап жыгылабыз кабер [гә] генә» 1939 нче ел, 24 нче сентябрь»[33].

Фотоматериалы, запечатлевшие фрагменты жизни мусульманских общин в Ленинградской области, представляют для нас осо-

31. По данным, приводимым Г.В. Старовойтовой, в послевоенное время традиционный похоронный обряд был наиболее часто соблюдаемым мусульманским обрядом даже в городской среде, его придерживались 67–73% татар (полностью или частично) (*Старовойтова Г.В.* Этническая группа в современном советском городе//Социологические очерки/под ред. К.В. Чистова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. С. 117–118).

32. *Сафаров М.* Ислам в советской Москве [Лекция] [http://islamoved.ru/2016/video-lektsii-marata-safarova-islam-v-sovetskoj-moskve/, доступ от 5.04.2016].

33. «Не знали о ее кончине [до сих пор]. Теперь осталось только упасть на могилу и обнять ее» 1939, 24 сентября (перевод с татарского А.М. Ахунова).

бый интерес по причине их немногочисленности. В целом ряде городов области в советское время действовали неофициальные (внемечетные) муллы. Наиболее известным из них был Мутугулла Гайнулович Хамитов (1897–1972), проживавший в Гатчине. Внемечетный мулла, как правило, был человеком, успевшим получить начальное или среднее религиозное образование (в основном, в Поволжье или на Урале). Особое значение деятельность неофициальных мулл приобрела после закрытия мечети в 1940 г., но и после 1956 г. они продолжали свою работу, помогая имамам, работавшим при Соборной мечети, в проведении религиозных обрядов как на территории области, так и в самом Ленинграде. Однако теперь им приходилось выстраивать отношения не только со светскими властями, но и с официальным духовенством.

Фото 4. Семья Латыповых у могилы Марьям апа Латыповой. Крайний справа – М.Г. Хамитов (г. Гатчина, Ленинградская обл., 1966 г.). Автор съемки неизвестен (из семейного архива Р.М. Ермолаевой)

К сфере деятельности внемечетных мулл относилось проведение таких обрядов, как имянаречение, *никах*, похоронный. Неофициальные муллы также участвовали в проведении *маджлисов*[34], собирали *садаку*[35]. Власти, как правило, знали

34. Маджлис — здесь религиозное собрание, связанное с исполнением определенных религиозных обрядов.

35. Садака — добровольная милостыня в исламе. Как правило, *садака* была платой, получаемой неофициальным муллой от верующих за совершение обряда.

о деятельности неофициального муллы и даже взаимодействовали с ним как с представителем верующих.

Мутугулла Хамитов выполнял не только локальную функцию, но и был фактически неформальным лидером мусульман Ленинграда. По свидетельству петербургского краеведа Д.А. Аминова, Хамитов в послевоенные годы — вплоть до открытия Соборной мечети в 1956 г. — проводил пятничные намазы на Татарском участке Ново-Волковского кладбища[36]. Это подтверждают фотографии из фондов Государственного музея истории религии и частных архивов, в том числе дочери Мутугуллы Хамитова. После 1956 г. Хамитов продолжал выполнять функции внемечетного муллы в Гатчине и ее окрестностях (Фото 4). При этом он также приглашался на официальные мероприятия (в том числе, связанные с визитом иностранных делегаций), о чем свидетельствуют фотоматериалы из государственных и частных архивов.

В частных архивах нам удалось найти несколько фотографий другого неофициального муллы в 1940–1960-е гг. — Ганея Фазлулловича Татукова (1892–1969), жившего в городе Луга. На двух снимках Татуков запечатлен вместе с родными, на трех других присутствует при исполнении погребального обряда на мусульманском кладбище Луги.

В 1960-е гг. поколение имамов, получивших до революции богословское образование, стало уходить. Но это не значит, что неофициальные муллы исчезли. Некоторые представители официального духовенства имели в прошлом опыт работы неофициальными духовными лидерами, например, Габдулбари Низамутдинович Исаев, *имам-хатиб* Ленинградской Соборной мечети (1956–1971). В 1930-е гг. Исаев был неофициальным муллой в Киргизии, куда он переехал, скрываясь от репрессий. На одной из фотографий из частного архива, относящихся предположительно к 1955 г., Исаев изображен во время намаза на Татарском участке Ново-Волковского кладбища. Этот уникальный снимок зафиксировал момент, когда Исаев уже был назначен имамом, но сама мечеть еще не была передана верующим (это произошло в самом конце года).

История ленинградской мусульманской общины знает и обратный пример, когда официальный имам перешел в разряд неофициальных. Уже упоминавшийся выше *имам-хатиб* Якуб Халеков после своего освобождения в 1937 г. жил сначала в Ташкенте, а затем, в конце 1940-х гг., в Орехове-Зуеве под Москвой,

36. *Аминов Д.А.* Татары в Санкт-Петербурге: Ист. очерк. СПб.: Альд, 1994.

где выполнял функции неофициального муллы среди своих земляков — татар-мишарей[37].

Пример Халекова не является уникальным для истории мусульманской общины Ленинграда. С конца 1970-х гг. и вплоть до своей смерти в 2006 г. неофициальным муллой был бывший *имам-хатиб* Ленинградской соборной мечети Хафиз Валиевич Махмутов.

Хафиз Махмутов — мулла-диссидент в городе Ленина

Махмутов — по-своему трагическая фигура среди мусульманских духовных лидеров советского времени. Его пример интересен не только тем, что он из официальных имамов перешел в разряд неофициальных. Махмутов к началу 1980-х гг. фактически стал диссидентом, жестким критиком советской политики по отношению к мусульманам.

Фото 5. Будущий имам-хатиб Ленинградской Соборной мечети Хафиз Махмутов , пер. пол. 1960-х. Автор съемки неизвестен (из семейного архива М.Х. Махмутовой).

Хафиз Махмутов стал *имам-хатибом* Ленинградской соборной мечети в 1972 г. в возрасте 37 лет, а в 1977 г. был отстранен

37. ПМА. Интервью с Г.А. Баутдиновым, 24.10.2015.

от занимаемой должности своим предшественником, а в то время — председателем Духовного управления мусульман Европейской России и Сибири (ДУМЕС) Г.Н. Исаевым. Одной из причин послужил личный конфликт между Махмутовым и Исаевым. При избрании последнего муфтием ДУМЕС в 1975 г. Махмутов голосовал против его кандидатуры, считая Исаева недостойным этого высокого и ответственного поста[38].

Дошедшие до нас фотографии ничего не скажут об этом конфликте между двумя имамами. Но это лишь на первый взгляд. Малочисленность или даже отсутствие (по нашим сведениям) фотографий, на которых Исаев и Махмутов изображены вместе, о многом говорит. Между тем, по дневникам Махмутова известно, что он часто встречался с Исаевым, в том числе и в Ленинграде, когда последний уже работал председателем ДУМЕС.

Этот конфликт можно рассматривать и как конфликт двух поколений мусульманских духовных лидеров. Родившийся в 1907 г. Исаев не имел высшего религиозного образования, но успел закончить медресе в деревне Тюлюганово Бирского кантона БАССР в 1926 г. Махмутов же, родившийся в 1937 г., стал одним из наиболее образованных молодых имамов в 1960-е гг. (Фото 5). Иными словами, Исаев и Махмутов были людьми, сформировавшимися в различные эпохи, имевшими разное образование и несовпадающее представление о соответствующем шариату кодексе поведения духовного лидера в условиях атеистического государства. То, что выглядело привычным в глазах Исаева (общение с куратором из «органов» и т.п.), Махмутову казалось аморальным[39].

Отстранение от должности изменило судьбу Махмутова. Не случись этого, он оставался бы лояльным имамом, который бы писал и озвучивал угодные советской власти проповеди о борьбе за мир во всем мире и т.п., но загнанный в угол, он поневоле стал оппозиционером.

Даже после отставки Махмутов продолжал пользоваться авторитетом среди значительной части прихожан мечети. Новый *имам-хатиб* Жафар Насибуллович Пончаев по своим знаниям

38. «Совет (Совет по делам религий. — *Р.Б.*) и КГБ в конце 1975 г. проводят в Уфе пленум ДУМЕС, где протаскивают на должность муфтия «своего человека» Исаева Бария. Я выразил протест против нарушения ст. 52 Конституции СССР (о свободе совести и отделении церкви от государства — *Р.Б.*) и вмешательства в церковные дела и впал в их немилость» (Автобиография Х.В. Махмутова. Л. 5//Семейный архив М.Х. Махмутовой).

39. Дневник Х.В. Махмутова. Ноябрь 1975 г. Л. 2//Семейный архив М.Х. Махмутовой.

и моральному авторитету проигрывал Хафизу хазрату. Однако он вполне устраивал назначившего его председателя ДУМЕС Исаева, партийные власти Ленинграда и КГБ[40]. Некоторые верующие после ухода Махмутова перестали посещать пятничные намазы в мечети. Между тем, сам Махмутов не пропускал без уважительной причины ни одной пятничной молитвы, даже когда уже был прикован к инвалидной коляске. Его неизменно можно было видеть в первом ряду молящихся[41].

На квартире Махмутова регулярно проходили *маджлисы,* к нему приходили ученики изучать богословские науки. Жена Махмутова также помогала мужу в религиозном просвещении — проводила занятия с женщинами и девушками, то есть выполняла функции настоящей *абыстай*[42].

Пончаев не мог смириться с присутствием авторитетного духовного лидера в «подведомственном» ему городе и регулярно стал обращаться в компетентные органы с сообщениями о «противозаконной деятельности» Махмутова, якобы подрывавшей устои советского государства[43]. Он продолжал действовать в том же духе и в годы перестройки, и после падения советской власти[44].

В 1983 г. Махмутов обратился к Генеральному секретарю ЦК КПСС Ю.В. Андропову с письмом, где призывал нового советского руководителя изменить политику по отношению к религии. Реакция со стороны государства последовала незамедлительно. 25 апреля 1983 г. Махмутов с женой были задержаны в приемной Председателя Президиума Верховного совета СССР и отправлены в Институт судебной психиатрии им. Сербского. Оттуда Махмутовы были направлены в Ленинград в психиатрическую больницу № 3 им. И. И. Скворцова-Степанова на принудительное «лечение». В больнице бывшего *имама-хатиба* продержали 3 месяца, а жену — около 6 месяцев[45].

40. Автобиография Х.В. Махмутова. Л. 5//Семейный архив М.Х. Махмутовой.

41. В фильме «Ислам в СССР», снятом в 1980 г., Махмутов попал в кадр среди молящихся в Соборной мечети г. Москвы в Выползовом переулке.

42. Абыстай — здесь женщина, хорошая знающая мусульманские обряды; выполняет религиозно-просветительскую функцию в среде женщин-мусульманок.

43. ПМА. Интервью с М.Х. Махмутовой, 28.08.2015.

44. Там же.

45. Заявление Президенту, конгрессу и госдепартаменту США от гражданина СССР Махмутова Хафиза Валиевича, религиозного деятеля. Л. 4//Семейный архив М.Х. Махмутовой.

Так имам-романтик стал диссидентом. После освобождения из больницы Махмутов продолжил свою религиозно-просветительскую деятельность в качестве неофициального муллы. По свидетельству самого Махмутова, он преподавал «желающим арабский язык и литературу, основы ислама, коран и хадис, 79 ветвей ислама (веры)»[46]. Он исполнял обряды имянаречения, *никаха*, читал погребальную молитву («отпевал» — в терминологии самого Махмутова[47]).

Фотографии из семейного альбома дочери Махмутова Маймуны Хафизовны датируются в основном годами работы ее отца официальным имамом в Ленинградской Соборной мечети. По большей части это протокольные снимки, на которых запечатлены визиты зарубежных делегаций. Присутствуют также изображения мусульманских обрядов: *джаназа*-намаза, реже — имянаречения. По свидетельству Маймуны Хафизовны, снимки, относящиеся к 1980-м гг., могли быть утрачены в результате пожара, случившегося в их квартире в 2008 г.[48] Однако она не исключила, что таких фотографий просто могло не быть: когда ее отец был неофициальным имамом, он почти не фотографировался[49]. Это подтвердили и другие наши информанты. Фотосъемка во время *маджлисов* не велась по вполне понятным причинам.

Свою работу в качестве внемечетного муллы Махмутов продолжил и в годы перестройки. В городе функционировали два центра религиозной жизни: официальный (при Соборной мечети) и неофициальный (группировавшейся вокруг Х.В. Махмутова). С 1987 г. курсы по основам ислама, коранистике и арабскому языку проводились в Доме культуры им. Карла Маркса Клубом любителей татарской культуры им. М. Джалиля, впоследствии преобразованного в Ленинградский татарский культурный центр[50].

46. Автобиография Х.В. Махмутова. Л. 3//Семейный архив М.Х. Махмутовой.

47. Подробнее об использовании христианских терминов мусульманскими религиозными деятелями см., например: Bustanov, A., Kemper, M. (2013) “The Russian Orthodox and Islamic Languages in the Russian Federation”, *Slavica Tergestina* 15 (Slavia Islamica): 258–277.

48. ПМА. Интервью с М.Х. Махмутовой, 28.08.2015.

49. Там же.

50. Ислам в Петербурге. Энциклопедический словарь. М.–Н. Новгород: Медина, 2009 [http://www.idmedina.ru/books/encyclopedia/?3389, доступ от 5.04.2016].

К началу перестройки татарская интеллигенция, светская по духу и образу жизни, была в большей степени озабочена вопросами возрождения национальной культуры, чем религии. Главным праздником для большинства татар и башкир, проживавших в Ленинграде, по-прежнему, как и в советское время, оставался Сабантуй, а не Курбан-байрам или Ураза-байрам[51]. Однако на рубеже 1980–1990-х гг. мечеть начинают посещать все больше молодых людей. На снимках, относящихся к последним годам советской власти, отображена смена поколений мусульман в Ленинграде и в стране в целом. Так, на одном из фото из фондов ЦГАКФФД СПб двое мужчин среднего возраста помогают спуститься со ступенек мечети двум старушкам. Дошедшие до нас фотографии свидетельствуют о сохранении в годы перестройки преимущественно моноэтничного характера мусульманской общины Ленинграда. Появление среди прихожан Соборной мечети значительного числа представителей других народов, традиционно исповедующих ислам, относится уже к середине 1990-х гг.

В заключение следует отметить, что, несмотря на демократизацию общественно-религиозной жизни в конце 1980-х — начале 1990-х гг., мусульманская община Ленинграда продолжала жить по инерции практически в той же системе координат, что и прежде. Это проявлялось, в частности, в ситуации с духовными лидерами. *Имамом-хатибом* Соборной мечети оставался Ж.Н. Пончаев, а Х.В. Махмутов, несмотря на то, что ему удалось зарегистрировать в 1993 г. Местную религиозную организацию мусульман Санкт-Петербурга «Аль-Фатх», продолжал де-факто оставаться неофициальным имамом Петербурга.

Застой в религиозной жизни общины, продолжившийся в 1990-е гг., отражают дошедшие до нас фотографии. По своему объему и содержанию они не намного превосходят фотоматериалы 1980-х гг. и существенно уступают 1950–1970-м гг. Однако история мусульманской общины в новой России в конце XX — начале XXI века заслуживает отдельного исследования.

Библиография/References

Автобиография Х.В. Махмутова.//Личный архив М.Х. Махмутовой.

Аминов Д.А. Татары в Санкт-Петербурге: Ист. очерк. СПб: Альд, 1994.

51. Примечательно, что Сабантуй, Курбан- и Ураза-байрам отмечались на территории совхоза «Бугры» в 1970–1980-е гг. как национальные праздники.

Бабель И.Э. О лошадях//Бабель И.Э. Петроградская проза. Сборник. СПб: Юпитер, 1993.

Беккин Р.И. Забытые мусульманские кладбища в окрестностях Петербурга//История Петербурга. 2014. № 1. С. 81–85.

Георги И.Г. Описание российско-императорскаго столичнаго города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. [Ч. 1]. СПб: Тип. Императорского Шляхетного сухопутного корпуса, 1794.

Григорьев М.А. Петербург 1910-х гг. Прогулки в прошлое. СПб: Российский институт истории искусств, 2005.

Гусева Ю.Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение. М.: Медина, 2013.

Дневник Х.В. Махмутова. Ноябрь 1975 г.//Семейный архив М.Х. Махмутовой.

Заявление Президенту, конгрессу и госдепартаменту США от гражданина СССР Махмутова Хафиза Валиевича, религиозного деятеля//Семейный архив М.Х. Махмутовой.

ПМА (полевые материалы автора). Интервью с Б.Б. Таканаевым, 10.08.2015.

ПМА (полевые материалы автора). Интервью с М.Х. Махмутовой, 28.08.2015.

ПМА (полевые материалы автора). Интервью с Г.А. Баутдиновым, 24.10.2015.

Ислам в Петербурге. Энциклопедический словарь. М.-Н. Новгород: Медина, 2009 [http://www.idmedina.ru/books/encyclopedia/?3389, доступ от 5.04.2016].

Ислам и советское государство. Вып. 1/сост. Д.Ю. Арапов. М.: ИД Марджани, 2010.

Ислам и советское государство. Вып. 2: (1917–1936)/сост. Д.Ю. Арапов. М.: ИД Марджани, 2010.

Ислам и советское государство. Вып. 3: (1944–1990)./сост. Д.Ю. Арапов. М.: ИД Марджани, 2011.

Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М.: Институт российской истории РАН, 2004.

[Ключева М.И.]. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910//Невский архив: Историко-краеведческий сборник/Сост. А.И.Добкин, А.В.Кобак. М.; СПб: Atheneum; Феникс, 1997. Вып. III.

Обвинительное заключение по след. делу № 111999 по обвинению националистической контр-революционной группировки, возглавляемой муллами Халиковым Якубой и Басыровым Кемалем, в пр.пр.ст. 58–4 УК. (Архив Центра «Возвращенные имена» при РНБ).

Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris: Ymca-Press, 1988.

О ходатайстве проживающих в Царском Селе магометан о прирезке земли для расширения магометанского кладбища//РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 686. Л. 8об.

Салахбекова З.А. Власть и мусульманское духовенство Дагестана: история взаимоотношений (1920–1940 гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. Махачкала, 2003.

Сафаров М.А. Повседневная жизнь московских мусульман в 1960–1980-х годах//Неприкосновенный запас. 2012. № 4 (84). С. 139–148.

Сенюткин С.Б., *Идрисов У.Ю.*, *Сенюткина О.Н.*, *Гусева Ю.Н.* История исламских общин Нижегородской области: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998.

Смирнова Т.М. Не винтики, но электроны!//История Петербурга. 2012. № 3 (67). С. 58–61.

Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном советском городе. Социол. очерки/под ред. К.В. Чистова; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. С. 117–118.

Тагирджанова А.Н. В костеле мог бы звучать азан...//История Петербурга. 2008. № 2 (42). С. 53–60.

Тагирджанова А.М. Татарские детские дома в Петрограде–Ленинграде 1920-х годов//История Петербурга. 2008. № 6 (46). С. 53–58.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991.

Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2013.

Aminov, D.A. (1994) *Tatary v Sankt-Peterburge: Ist. ocherk* [*Tatars in St. Petersburg: a Historical essay*]. SPb: Al'd.

Arapov, D.Iu. (ed.) (2010) *Islam i sovetskoe gosudarstvo, Vyp. 1* [Islam and the Soviet State, 1st Edition]. M.: ID Mardzhani.

Arapov, D.Iu. (ed.) (2010) *Islam i sovetskoe gosudarstvo, Vyp. 2* (1917–1936) [Islam and the Soviet State (1917–1936), 2nd Edition]. M.: ID Mardzhani.

Arapov, D.Iu. (ed.) (2011) *Islam i sovetskoe gosudarstvo (1944–1990), Vyp. 3* [Islam and the Soviet State, 3rd Edition]. M.: ID Mardzhani.

"Avtobiografiia Kh.V. Makhmutova", *Semeinyi arkhiv M.Kh. Makhmutovoi* [H.V. Mahmutov's Autobiography from M.H. Mahmutova's Private Archive].

Babel', I.E. (1993) "O loshadiakh" [On horses], in I.E. Babel' Petrogradskaia proza. Sbornik. SPb: Iupiter.

Bekkin, R.I. (2014) "Zabytye musul'manskie kladbishcha v okrestnostiakh Peterburga" ["Forgotten Muslim Cemeteries in the Suburbs of St. Petersburg"], *Istoriia Peterburga* 1: 81–85.

Bustanov, A., Kemper, M. (2013) "The Russian Orthodox and Islamic Languages in the Russian Federation", *Slavica Tergestina* 15 (Slavia Islamica): 258–277.

DeWeese, D. (2002) "Islam and the Legacy of Sovietology: A Review Essay on Yaacov Ro'i's Islam in the Soviet Union", *Journal of Islamic Studies* 13 (3): 298–330.

Georgi, I.G. (1794) *Opisanie rossiisko-imperatorskago stolichnago goroda Sanktpeterburga i dostopamiatnostei v okrestnostiakh onago (part 1).* [Description of Russian Imperial Capital City St. Petersburg and its Sights]. SPb: Tip. Imperatorskogo Shliakhetnogo sukhoputnogo korpusa.

Grigor'ev, M.A. (2005) *Peterburg 1910-kh gg. Progulki v proshloe.* [St. Petersburg of the 1910s. Walks into the Past]. SPb: Rossiiskii institut istorii iskusstv.

Guseva, Iu.N. (2013) *Ishanizm kak sufiiskaia traditsiia Srednei Volgi v XX veke: formy, smysly, znachenie* [Inshaism as a Sufi Tradition of the Middle Volga in 20 century]. M.: Medina.

"Dnevnik Kh.V. Makhmutova. Noiabr' 1975 g.", *Semeinyi arkhiv M.Kh. Makhmutovoi* [H.V. Makmutov's Diary from M.H. Mahmutova's Private Archive].

"Zaiavlenie Prezidentu, kongressu i gosdepartamentu SShA ot grazhdanina SSSR Makhmutova Khafiza Valievicha, religioznogo deiatelia", *Semeinyi arkhiv M.Kh. Makhmutovoi* [Statement to the US President, Congress and State Department from the USSR Citizen H.V. Mahmutov, a religious figure].

Iarov, S.V. (2013) *Povsednevnaia zhizn' blokadnogo Leningrada* [Daily Life of Leningrad during the Blockade]. M.: Molodaia gvardiia.

Fieldwork materials. Interview with G.A. Bautdinov, 24.10.2015.

Fieldwork materials. Interview with M.Kh. Makhmutova, 28.08.2015.

Fieldwork materials. Interview with B.B. Takanaev, 10.08.2015.

Iskhakov, S.M. (2004) *Rossiiskie musul'mane i revoliutsiia (vesna 1917 g. — leto 1918 g.)* [Russian Muslims and the Revolution (the Spring of 1917–the Summer of 1918)]. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN.

Islam v Peterburge. Entsiklopedicheskii slovar' [Islam in St. Petersburg. Encyclopaedia] (2009). M.-N. Novgorod: Medina [http://www.idmedina.ru/books/encyclopedia/?3389, dostup ot 5.04.2016].

[Kliucheva, M.I.] (1997) "Stranitsy iz zhizni Sankt-Peterburga 1880–1910" [Pages from the Life of St. Petersburg in 1880-1910], in A.I. Dobkin, A.V. Kobak (eds) *Nevskii arkhiv: Istoriko-kraevedcheskii sbornik Vyp. III*. M., SPb: Atheneum-Feniks.

Obolenskii, V.A. (1988) *Moia zhizn'. Moi sovremenniki* [My Life. My Contemporaries]. Paris: Ymca-Press.

Obvinitel'noe zakliuchenie po sled. delu № 111999 po obvineniiu natsionalisticheskoi kontr-revoliutsionnoi gruppirovki, vozglavliaemoi mullami Khalikovym Iakuboi i Basyrovym Kemalem, v pr.pr.st. 58–4 UK [Indictment on criminal case No. 111999 against a national counter-revolutionary group headed by mullahs Yakub Halikov and Kemal Basyrov charged with committing the crimes foreseen by Art. 58–4 of the Criminal Code], *Arkhiv Tsentra "Vozvrashchennye imena" pri RNB*.

"O khodataistve prozhivaiushchikh v Tsarskom Sele magometan o prirezke zemli dlia rasshireniia magometanskogo kladbishcha" [On the application of Mohammedans residents of Tsarskoe Selo applying for a land for the expansion of the Mohammedan cemetery], *RGIA*. F. 487. Op. 4. D. 686. L. 8ob.

Ro'I, Y. (2000) *Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev*. New York: Columbia University Press.

Safarov, M.A. (2012) "Povsednevnaia zhizn' moskovskikh musul'man v 1960–1980-kh godakh" [Daily Life of Muslims in Moscow in 1960-1980s], *Neprikosnovennyi zapas* 4 (84): 139–148.

Salakhbekova, Z.A. (2003). *Vlast' i musul'manskoe dukhovenstvo Dagestana: istoriia vzaimootnoshenii (1920–1940 gg.)* [Authorities and Muslim Clergy in Dagestan: on the History of Interaction (1920–1940)], Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. k. ist.n. Makhachkala.

Seniutkin, S.B., Idrisov, U.Iu., Seniutkina, O.N., Guseva, Iu.N. (1998) *Istoriia islamskikh obshchin Nizhegorodskoi oblasti: Monografiia* [The History of Islamic Communities of the Nizhny Novgorod Region: a Monograph]. N. Novgorod: Izd-vo NNGU.

Smirnova, T.M (2012) "Ne vintiki, no elektrony!" [Not Small Crews but Electrons!], *Istoriia Peterburga* 3 (67): 59.

Starovoitova, G.V (1987) *Etnicheskaia gruppa v sovremennom sovetskom gorode. Sotsiol. ocherki* [An Ethnic Group in the Modern Soviet City], in K.V. Chistov (ed.) Sociological Essays, pp.117–118. AN SSSR, Institut etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia. L.: Nauka. Leningr. otd-nie.

Tagirdzhanova, A.N. (2008) "V kostele mog by zvuchat' azan..." [Azan Could Have Been Heard in the Kostel (Roman Catholic Church)], *Istoriia Peterburga* 2 (42): 53–60.

Tagirdzhanova, A.M. (2008) "Tatarskie detskie doma v Petrograde-Leningrade 1920-kh godov" [Tatar Children's Homes in Petrograd-Leningrad of 1920s], *Istoriia Peterburga* 6 (46): 53.

Trotskii, L.D. (1991) *Moia zhizn'. Opyt avtobiografii* [My Life. An Autobiography Attempt]. M.: Panorama.